

Тан Цзю едва успел вздохнуть с облегчением, когда пришла весть о триумфальном возвращении армии князя Дуаня. Но покой длился недолго: следующая новость обрушилась на него подобно грому среди ясного неба, заставив сердце испуганно сжаться.

— Покушение?! — тревожно спросил Тан Цзю у принесшего весть Сяо Шуньцзы. — Как это случилось? Что с ним?!

— Императрица, не извольте беспокоиться, — поспешно добавил Сяо Шуньцзы, заметив, как побледнел юноша. — Рана князя не опасна для жизни, разбойники лишь задели его мечом в грудь.

Тан Цзю лишился дара речи. Лицо его сделалось еще бледнее.

«Что значит "лишь задели в грудь"?!»

«Да я раньше, когда фрукт чистил и палец резал, ныл по полдня! А тут удар мечом! Как это вообще можно пережить?!»

Охваченный тревогой и гневом, он выдохнул:

— Кто это сделал?

Сяо Шуньцзы низко склонил голову:

— Простите, Императрица. Слуге пока не удалось разузнать подробности.

Тан Цзю заметался по комнате, мерил шагами пол, а затем резко остановился, приняв твердое решение.

— Сделай что угодно, — твердо произнес он, — но я должен немедленно покинуть дворец.

Лин Юнь вошла в покои с тазом воды, ее глаза все еще были красными от слез.

Янь Юйчэнь негромко рассмеялся, глядя на нее:

— Взрослая ведь уже девица, а все плачешь?

— Но ведь вы, князь, никогда прежде не получали таких тяжелых ран! — девочка шмыгнула

носом, и слезы снова подступили к ее глазам.

В ее сердце не было скрытых чувств к Янь Юйчэню. Лишившись родителей в десять лет, она оказалась на улице, и именно князь приютил ее, обогрел и обучил ремеслу. С того дня она поклялась служить ему до последнего вздоха. И каждый слуга в этом поместье разделял ее преданность, ведь у всех них были схожие судьбы.

— Сущие пустяки, не умру, — отмахнулся Янь Юйчэнь.

— Вечно вы хорохоритесь! — с досадой проворчала Лин Юнь. — Посмотрю я, как вы будете оправдываться, когда об этом узнает Императрица!

— К слову об этом, — лицо Янь Юйчэня мгновенно посерьезнело. — Передай всем мой строжайший приказ: о моем ранении не должно выйти ни единого слуха за пределы поместья. Особенно важно, чтобы ни слова не дошло до Императрицы...

— Не дошло до кого? — раздался внезапный голос у самого входа.

Янь Юйчэнь осекся. Они с Лин Юнь одновременно повернулись на звук.

У дверей стоял Тан Цзю. На нем была простая форма императорского гвардейца, а взгляд, полный ярости и тревоги, был прикован к хозяину дома.

Лин Юнь бросила на своего господина многозначительный взгляд, мысленно пожелав ему удачи, и постаралась стать как можно незаметнее. Скользнув вдоль стены, она бесшумно юркнула за дверь и заботливо прикрыла ее за собой.

Янь Юйчэнь поспешно поднялся:

— Как ты здесь оказался?

— Я пришел узнать о том, что ты так тщательно пытался от меня скрыть, — отрезал Тан Цзю.

Янь Юйчэнь смущенно потер переносицу и неловко кашлянул:

— Да пустяки, правда... Царапина...

Тан Цзю не собирался слушать эти сказки. Шагнув вперед, он бесцеремонно усадил мужчину обратно в кресло и потянулся к завязкам его одеяния.

— Ого, — Янь Юйчэнь попытался перехватить его руки, мягко улыбаясь. — Какая непривычная

инициатива. Я даже польщен.

Тан Цзю грозно сверкнул глазами:

— Ты покажешь мне рану или нет?

Улыбка сошла с лица Янь Юйчэня. Он вгляделся в лицо юноши — тот отчаянно пытался казаться грозным, но в его глазах уже дрожали слезы. Тихо вздохнув, князь убрал руки.

Тан Цзю распустил завязки и бережно стянул с него плотную ткань. Широкая грудь мужчины была туго перебинтована, сквозь слои белой марли зловеще проступало багровое пятно свежей крови.

У Тан Цзю защипало в носу. Он осторожно, едва дыша, коснулся пальцами края повязки и хрипло спросил:

— Сильно болит?

— Вовсе нет. Ни капли не болит, — Янь Юйчэнь усадил его к себе на колени, одной рукой обняв за талию, а другой ласково очертил контур его заплаканных глаз. — Но когда я вижу тебя таким, у меня самого сердце кровью обливается.

Тан Цзю слабо ущипнул его за бок:

— Только и умеешь, что зубы заговаривать.

— Я говорю чистую правду, — серьезно возразил Янь Юйчэнь. — Твои слезы для меня — худшее наказание.

Тан Цзю шмыгнул носом, загоня подступившую влагу обратно:

— Откуда взялись разбойники с такой невиданной дерзостью? Напасть на регулярную армию... Они что, ослепли и не разглядели полковое знамя?

— Обычным бандам такое и впрямь не под силу, — раз уж скрывать было нечего, Янь Юйчэнь заговорил начистоту. — Нападавшие действовали стремительно, слаженно и беспощадно. Простые разбойники так не воюют.

Догадка мгновенно осенила Тан Цзю, и он со злостью процедил:

— Это его рук дело!

Янь Юйчэнь лишь спокойно кивнул, подтверждая его мысли:

— Я и не ждал, что он оставит меня в покое. Раз уж подосланные убийцы потерпели неудачу, он непременно попытается как-то иначе.

Тан Цзю заволновался еще сильнее:

— И что ты намерен делать?!

— Ну, я ведь не круглый дурак, чтобы послушно подставить шею под топор, — усмехнулся князь. В его взгляде читалась абсолютная уверенность.

Тан Цзю приободрился:

— Значит, у тебя есть план? Расскажи!

Однако Янь Юйчэнь умолк. Он окинул юношу оценивающим взглядом и с лукавой усмешкой протянул:

— Без награды секреты не раскрываю.

Тан Цзю закусил губу. Наклонившись, он робко коснулся его губ поцелуем, а затем опустил голову пониже и невесомо прижался губами к белой марле прямо над сердцем.

Янь Юйчэнь замер от неожиданности. От этого нежного прикосновения его грудь пронзила сладкая дрожь, мгновенно разлившаяся жаром по всему телу до самых кончиков пальцев.

— Мне все равно, какие коварные замыслы крутятся в твоей голове и сколько планов ты строишь, — Тан Цзю поднял на него глаза, полные искренности. — Я прошу тебя лишь об одном: не смей больше подставляться под удар.

Горячая слеза скользнула по его щеке.

— Янь Юйчэнь... Я еще никогда никого так сильно не любил.

Мужчина долго смотрел на него, его дыхание сделалось тяжелым и прерывистым. Не выдержав, он резко притянул юношу к себе, зарылся пальцами в его волосы на затылке и с жаром впился в его губы.

Их зубы столкнулись со слепой яростью страсти, на мгновение на губах проступил металлический привкус крови. Тан Цзю тихо вскрикнул от неожиданной боли, но его стон тут

же потонул в требовательном поцелуе. В голове все смешалось и поплыло. Оторвавшись от его губ лишь на миг, Янь Юйчэнь подхватил разомлевшего юношу на руки и уверенно понес вглубь покоев.

Тан Цзю вздрогнул от неожиданности и поспешно обвил руками шею мужчины.

— Ты... что ты делаешь? — растерянно пролепетал он.

Янь Юйчэнь ничего не ответил. Уложив его на просторное ложе за шелковым пологом, он одним резким движением сорвал с себя остатки одежды.

Тан Цзю густо покраснел до самых ушей. Пальцы судорожно вцепились в покрывало, а язык от волнения перестал слушаться:

— Ты... не смей глупить!

Янь Юйчэнь опустился коленом на край кровати и навис над ним. Его потемневший взгляд горел пугающим, первобытным огнем.

— А если я именно это и собираюсь сделать?

Тан Цзю лишь жалобно пискнул.

«Кажется, у меня просто нет выбора...»

Под этим обжигающим взглядом он с трудом сглотнул слюну и попытался отползти подальше, совершая последнюю отчаянную попытку спастись:

— У тебя же... рана...

— Плевать, — Янь Юйчэнь дотянулся до стоявшей у изголовья шкатулки и достал оттуда небольшую круглую баночку.

Когда крышка открылась, Тан Цзю уловил тонкий аромат полупрозрачной мази. Он заворожено смотрел на нее несколько секунд, а когда до него наконец дошло истинное назначение этого снадобья, краска стыда залила все его тело.

— Обещаю, я буду очень осторожен, — Янь Юйчэнь нежно коснулся губами его щеки, с трудом сдерживая бушующее внутри пламя. — Хорошо?

Тан Цзю молчал, умирая от смущения. Наконец он решительно забрал у него баночку и

легонько подтолкнул мужчину плечом, заставляя лечь на спину.

— У тебя рана, — заикаясь и отводя взгляд, пробормотал он. — Я... я сам.

Несмотря на столь трогательную заботу, Янь Юйчэнь так и не позволил ему главенствовать.

Вместо этого он приложил все усилия, чтобы заставить юношу плакать от сладостного изнеможения.

— Обманщик... — Тан Цзю бессильно царапал крепкую спину мужчины, сгорая от жара. Сквозь тихие всхлипы он пытался высказать свою обиду: — Ты же говорил... что больше всего не любишь мои слезы...

Мужчина на мгновение замер. Склонившись к его чувствительной шее, он оставил там легкий, дразнящий укус и хрипло выдохнул:

— Прости меня. Моя вина. Но я просто не в силах сдержаться.

Хоть это тело и принадлежало другому человеку, для самого маленького молодого господина Тана это был первый настоящий опыт.

«Если начистоту... это было потрясающе. Вот только поясница и все, что ниже, до сих пор ноют нещадно...»

Вчера над ним измывались едва ли не до рассвета. Тан Цзю даже не помнил, в какой момент провалился в беспамятство, а открыв глаза, обнаружил себя уже во Дворце Вечного Веселья. Если бы не россыпь багровых отметин на коже, напоминавших о безумной ночи, он бы решил, что все это ему пригрезилось.

«Сколько же он терпел?.. Казалось, ему это нужно куда больше, чем мне...» — Тан Цзю тихонько ворчал, потирая ноющую поясницу, но на душе у него было тепло и сладко.

Вдруг раздался бодрый голос в голове:

[О да! Великий князь Дуань просто невероятен! С таким ранением — и столько пыла! А сколько поз вы сменили, я просто глаз оторвать не мог!]

Тан Цзю онемел.

[Система 233: (=^▽^=)]

«Ты... ты все видел?!» — мысленно возопил Тан Цзю.

Саньсань застенчиво протянул в ответ:

[Ну конечно же~]

Тан Цзю готов был сквозь землю провалиться от стыда.

«А-а-а! Как ты мог смотреть на такое?!»

[Ой, уважаемый хост, не стоит так смущаться! В нашей работе мы и не такие бури видывали. Хотя должен признать, вы с князем — настоящие мастера своего дела! Хи-хи-хи!]

От этого ехидного смешка Тан Цзю окончательно лишился покоя. Он и подумать не мог, что его скромный системный помощник окажется таким бесстыдником. Хотя, если вспомнить их первую встречу, когда 233 всюду нахваливал выдающиеся достоинства и выносливость будущих фаворитов, удивляться не приходилось.

Заметив, что хост окончательно сгорел от стыда, тактичная система поспешила сменить тему:

[Итак, какие у нас планы касательно этого ничтожества на троне?]

Тан Цзю с облегчением перевел дух:

«Просто подождем».

«Янь Юйсюань наверняка уже теряет терпение».

Янь Юйсюань и впрямь не находил себе места от беспокойства.

Суровое поле боя не погубило Янь Юйчэня, а лучшие наемные убийцы не сумели оборвать его жизнь. Император все отчетливее понимал, насколько опасен и непредсказуем его единокровный брат, и это лишь укрепляло его решимость избавиться от соперника раз и навсегда.

— Цзиньчжи, как мне поступить? — терзаемый мрачными мыслями, Янь Юйсюань обратился к

единственному, кому мог доверить столь грязную тайну. Линь Цзиньчжи всегда отличался умом и проницательностью. — Я проклинаю себя за то, что столько лет верил этому лицемеру. Янь Юйчэнь — не преданный брат, а затаившийся дракон. Если не срубить ему голову сейчас, он взлетит до самых небес!

— Дракон силен в небесах, а змея — в родной воде. Лишь там они неуязвимы, — негромко произнес Тан Цзю. — Но если лишить их привычной стихии, смогут ли они защищаться с прежней легкостью?

В глазах Янь Юйсюаня вспыхнул алчный огонек:

— Ты клонишь к тому, чтобы...

Тан Цзю тонко улыбнулся:

— Князь Дуань только что вернулся с великой победой. Государю следует призвать его во дворец для заслуженной награды.

Император на мгновение задумался. Идея была хороша, но сомнения все еще терзали его душу:

— Но он — имперский князь. Если он внезапно стинет в стенах дворца, народ заподозрит неладное. Я не могу допустить, чтобы тень пала на мою репутацию...

— Позвольте спросить, Государь, покончено ли с Учением Великого Спокойствия?

Янь Юйсюань на миг растерялся, не понимая, к чему этот вопрос:

— Еще нет. Эти мятежники хитры и многочисленны, их не так просто... — Вдруг он осекся, и взгляд его сделался хищным. — Постой... Учение Великого Спокойствия все еще не уничтожено. Раз эти государственные преступники смогли проникнуть на охотничьи угодья, чтобы убить меня, ничто не помешает им пробраться и в императорский дворец! Князь Дуань пал жертвой коварного покушения прямо во время приема, лекари оказались бессильны... Да, если объявить об этом, никто в Поднебесной не посмеет усомниться!

Тан Цзю молча и бесстрастно наблюдал за ним. Этому человеку требовался лишь легкий намек, чтобы его собственный разум выстроил безупречный коварный план.

«Негодяй до мозга костей».

Мрачные думы окончательно покинули Императора. Счастливый и полный нежности, он крепко сжал ладонь Тан Цзю:

— Цзиньчжи! Я в очередной раз убеждаюсь, что без тебя я как без рук!

Изящный юноша лишь мягко, едва заметно улыбнулся и послушно склонил голову:

— Для вашего верного слуги величайшая честь — облегчать бремя забот Государя.

<http://bllate.org/book/20582/2149290>